

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008; 37

Е. А. Ермолин

<https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

**Диалог культур в аспекте современных образовательных стратегий:
проблемы изучения культуры Китая
в образовательном процессе в России**

Для цитирования: Ермолин Е. А. Диалог культур в аспекте современных образовательных стратегий: проблемы изучения культуры Китая в образовательном процессе в России // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 3 (9). С. 91-103. DOI 10.20323/2658-7866-2021-3-9-91-103

Статья посвящена проблеме диалога культур в аспекте современных образовательных стратегий, обосновывается значимость китайской тематики в культуре России, постулируется, что если вплоть до самого последнего времени российско-китайский диалог происходил в политическом и экономическом пространстве, а собственно культурные коммуникации были избирательными и бессистемными, то Великий Шелковый путь в XXI веке имеет шанс стать сигнальной артерией Евразии, хордой перманентных межкультурных коммуникаций, инструментом культурного трансфера. Автор доказывает, что сегодня актуальной задачей становится рефлексия перспектив российско-восточного, в частности российско-китайского полилога в сфере культуры и образовательной деятельности, обосновывает важность освоения основ дальневосточной китайской цивилизации, создания потенциала для взаимопонимания и продуктивного диалога и подробно останавливается на образовательной перспективе такого диалога в современной России, описывая проект образовательной мобилизации ресурсов культурного полилога, реализованный при его личном участии в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского, а также в вузах Москвы (МГУ, Институт истории культуры) и в Национальном университете имени Мирзо Улугбека (Ташкент). Представленная программа изучения классической культуры Китая основывается на том, что студентам обеспечивается системно-целостное представление о культурных синтезах в Китае как об изошренном, получившем яркие интеллектуальные, эстетические и жизненно-практические выражения опыте гармонизации разнонаправленных духовных начал, что позволяет вести разговор о глубинной цельности культуры, ее богатстве, ее потенциале актуализации, о базисных основаниях религии и философии, искусстве, образе жизни, ментальности.

© Ермолин Е. А., 2021

Ключевые слова: Китай, Россия, диалог культур, межкультурная коммуникация, «Один пояс, один путь», образовательные стратегии, мультиидейное общество, мультиплексный мир, культурный синтез.

CULTURAL SCIENCE

E. A. Ermolin

**Dialogue of cultures in the aspect of modern educational strategies:
problems of studying Chinese culture in Russian education process**

The article is devoted to the dialogue of cultures in the context of modern educational strategies and justifies the importance of Chinese themes in Russian culture. Despite the fact that until very recently the Russian-Chinese dialogue has mainly taken place in the political and economic space, and the actual cultural communications were selective and unsystematic, in the 21st century the Great Silk Road has a chance to become a signal artery for Eurasia, a chord of permanent intercultural communications, and an instrument of cultural transfer. The author proves that an urgent task today is the reflection of the prospects in Russian-Eastern (and Russian-Chinese in particular) polylogue in the sphere of culture and educational activity, substantiates the importance of learning the basics of Far Eastern Chinese civilization and creating the potential for mutual understanding and productive dialogue. The author focuses on educational perspectives of such a dialogue in contemporary Russia, describing a project to mobilize the resources of cultural polylogue that he personally implemented at the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, as well as at universities in Moscow (Moscow State University, Institute for the History of Cultures) and at the Mirzo Ulugbek National University (Tashkent). The presented program of studying classical Chinese culture is based on providing students with a systematic and holistic view of cultural synthesis in China as a sophisticated, bright intellectual, aesthetic and practical experience of harmonizing multidirectional spiritual principles, which allows to talk about the deep integrity of culture, its richness, its actualization potential, about the basis of religion and philosophy, about art, way of life, and mentality.

Key words: China, Russia, dialogue of cultures, intercultural communication, “One Belt, One Road”, educational strategies, multimedia society, multiplex world, cultural synthesis.

Китайский горизонт русского опыта в последнее время претерпевает радикальные метаморфозы. Значимость Китая, китайских тем в культуре России ощутимо растёт. Помимо внутрикультурных причин, эмпирических взаимобмен

политико-экономической конъюнктуры этот рост связан и с закономерностями становления современной ойкумены, а именно с тем, что современный глобальный мир перманентно реализует многовекторную недетерминированную поли-

культурную коммуникацию, причем на разных уровнях, включая личностный.

Это формирующий и переформирующий мировой порядок тотальный диалог, имеющий признаки полилога. Диалогизм в культуре, ставший в повестку дня в наше время, глубоко и всесторонне осмыслен и разработан в персоналистском философском дискурсе XX века, в частности – М. М. Бахтиным, как культурный принцип и фундамент культурной динамики. Безусловно, сохраняет свою базисную значимость и предложенная персоналистами теория взаимодействия культур, диалога культур.

Диалог по М. М. Бахтину, напомню, «не средство, а самоцель. Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому, диалог, в сущности, не может и не должен кончатся» [Бахтин, 1972, с. 433]. «Культура вся расположена на границах» [Бахтин, 1986, с. 25]. Она оживает в вопрошании другой культуры, великие явления в той или иной культуре рождаются в диалоге разных культур, только в точке их взаимодействия. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...> между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур <...> При диалогической встрече двух культур они

не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин, 1986, с. 360]. Плодотворность диалога связана с тем, что мы «ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем у ней ответа, на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин, 1986, с. 335]; это не снимает противоречий и конфликтности, но вписывает их в общую логику диалога, приводящего к пониманию различий между участниками процесса, когда чем больше размежевания, тем лучше, но размежевания благожелательного, без «драк на меже».

В размышлениях о диалоге культур не потеряли важности и интуиции В. С. Библера, который сформулировал еще несколько десятилетий назад ряд идей глобально-перспективного значения. Одна из них – идея «одновременности» культур, синхронного пребывания их в сознании и практике современника. В. С. Библер замечал, что в наше время «типологически различные «культуры» (целостные кристаллы произведений искусства, религии, нравственности...) втягиваются в единое временное и духовное «пространство», странно и мучительно сопрягаются друг с другом, <...> «дополняют», то есть исключают и предполагают друг друга. Культуры Европы, Азии и Америки «толпятся» в одном и том

же сознании; их никак не удастся расположить по «восходящей» линии («выше – ниже, лучше – хуже»). Одновременность различных культур бьет в глаза и умы, оказывается реальным феноменом повседневного бытия современного человека» [Библер, 1997, с. 221]. Эта ситуация предполагает, как актуальную культурную норму, перманентность непростого полилога.

Требует дальнейшего осмысления также идея Х. М. Зиеи, который вводит понятие «мультиидейное общество» в контексте глобальных коммуникаций. Фиксируя, что мультиидейное общество – это общество, в котором ни одна идеология, и ни одна концепция в понимании режимов правления, форм собственности и экономической деятельности не может стать доминирующей, а в культурной сфере допускается многовариантность выбора каждого конкретного коллективного или индивидуального члена социума, Х. М. Зиеи настаивает на применимости этой социальной модели в масштабе всей ойкумены и на норме глобальной толерантности: «Существование культур и цивилизаций же имеет в виду мирное взаимоотношение различных народов, носителей разных типов культур и их отказ от навязывания своей культуры или ее принципиальных элементов другим» [Зиеи, 2020, с. 186].

Мне уже приходилось в этой связи указывать и на актуальность поня-

тия «multiplex world» («мультиплексный мир») [Ермолин, 2016, с. 266], мультиплекс, введенного профессором международных отношений в Американском университете в Вашингтоне Амитавом Ачарьей в конструктивистской научной парадигме. Такие определения современности, как многополярный, полицентричный, неполярный, неополярный, постамериканский мир или Джи-зеро мир (G-zero – G-0), уже не могут, полагает он, всецело описать состояние нынешнего мира. Ачарья сравнивает этот складывающийся на новых основаниях миропорядок с мультиплексным кинотеатром: в одном комплексе много кинозалов, в которых идут самые разные фильмы – от голливудских до китайских.

В качестве еще одной аналогии можно напомнить, что на телевидении мультиплекс означает объединение телевизионных каналов в цифровой пакет при цифровом телевидении. Они мультиплексируются перед передачей по транспортному каналу и разделяются на конечной приемной установке – абонентском ресивере или телевизоре.

У аудитории, таким образом, есть огромный, увеличивающийся выбор. Эта свобода выбора при разнообразии возможностей расширяет горизонт коммуникации, делая ее непредсказуемо ситуативной. В мультиплексном мире, замечают Ачарья и его соавторы, «мы будем иметь несколько продюсеров и актеров (государств, регионов, транснациональных групп), кото-

рые ставят собственные шоу одновременно» [Henry, 2013].

Ачарья указывает на значимые стратегии мирового Юга, позволяющие ему вести успешный диалог с мировым Севером [Ачарья, 2018]. Существенный фактор формирования мультиплексного мира он видит в пробуждении Азии, в особенности в развитии отношений Китая с разными странами, в том числе с его соседями. Это наблюдение подтверждается анонсированным еще в 2013 году проектом «Один пояс, один путь», который стал одной из главных долгосрочных экономических инициатив председателя КНР Си Цзиньпина. В 2015 году по инициативе Сианьского университета коммуникаций (провинция Шэньси) был создан Университетский альянс Шелкового пути, достигнут и обнародован Сианьский консенсус, предусматривающий продвижение сотрудничества в области совместной подготовки кадров, совместного создания учебных заведений, углубления гуманитарных обменов, научно-технических исследований и др.

Тематика обновленного Шелкового пути остается лейтмотивом дискуссий [напр., Глянц, 2017; Holland, 2021; Lau, 2021]. У нее есть, думается, и бесспорные гуманитарные аспекты, на которых я сосредоточусь. Вплоть до самого последнего времени российско-китайский диалог происходил в политическом и экономическом пространстве. Собственно культурные коммуникации были гораздо более

избирательными и явно бессистемными (хотя были исключения; например, важной вехой в европейских академических кругах являлся диспут о потенциале конфуцианской этики [Степанянц, 2009; Stepanyants, 2020]). Но Великий Шелковый путь в XXI веке имеет шанс стать сигнальной артерией Евразии, хордой перманентных межкультурных коммуникаций, инструментом культурного трансфера.

«Одновременность культур» Библера, мультиплекс Ачарьи есть то со-бытие культур, которое является важнейшим событием в мире Постмодерна. Причем это событие, которое потенцировано каким угодно образом, в любой модальности. Здесь и соучастие может быть конфликтным, а доброжелательная толерантность может таить в своих недрах равнодушие или даже враждебность; подчас «чужое» или почти всецело нивелируется в процессе коммуникации, или предстает занятным, но чуждым артефактом, потенциальным экспонатом этнографического музея.

Однако генеральный вектор современности – это, думается, активизирующийся полилог. Я исхожу из того, что полилог – это разновидность диалога, которой присущи ситуативность, спонтанность, нелинейность, смена активности участников, массовость реплик-реакций [Азимов, 2009] – то, что является самыми очевидными актуальными рефлексам коммуникации. Полилог предполагает комму-

никативные процедуры, связанные с поиском взаимопонимания не только на уровне созвучий, но и с полным пониманием неполной совместимости культур, по крайней мере – с позиции рассудка. Это процесс творческого взаимообогащения, не предполагающий в культуре адаптации «чужого» к «своему», гладкого перевода, при котором от «чужого» остается только едва уловимый налет экзотичности, а в главном оно пересказывается путем включения в родной контекст.

Здесь возникает большое поле герменевтических проблем, связанных с интерпретацией текстов культуры. Это контекст, о котором Х.-Г. Гадамер писал, что «тот, кто стремится понять текст, готов его выслушать и позволяет ему говорить. Поэтому герменевтически воспитанное сознание должно быть с самого начала восприимчиво к инаковости текста. Такая восприимчивость <...> не предполагает ни «нейтралитета» <...>, ни самоуничтожения я, но включает в себя усвоение собственных пред-мнений и пред-суждений. Речь идет о том, чтобы помнить о собственной предвзятости, дабы текст проявился во всей его инаковости» [Гадамер, 1988, с. 321].

Эти обстоятельства, ставшие в XXI веке элементарной данностью, не всегда, однако, уверенно делаются предметом осмысления и задачей, которую всерьез пытаются решить в образовательном процес-

се. Осознание отстает от реальности, тормозит в тот момент, когда эмпирическая полилогичность эпохи призвана подвергнуться рефлексивному освоению. Образовательные стратегии, связанные с медитативно-рефлексивными практиками, основанными на ситуации встречи разных культур, разработаны у нас недостаточно.

Медийно и образовательно культурно-полилогический сюжет развивается с большими трудностями, хотя не подвергается сомнению значимость в учебном процессе организации полилога как такового, в принципе, как специфического образовательного подхода. Участие в полилоге, рассуждает специалист по педагогике В. С. Безрукова, «учит учащихся проникать и понимать логику собеседника, терпению, нахождению общего и особенного, умению выслушивать и корректировать собственную систему взглядов. Как метод обучения полилог <...> строится на персонализации позиции каждого участника и требует учета большего числа факторов при своем личном участии. Полилог эффективен при многокультурном и поликультурном образовании, при использовании коллективных форм обучения и в технологии личностно ориентированного обучения» [Безрукова, 2000, с. 595].

Характерно, что в образовательной сфере понятие полилога культур наиболее востребовано у лингвистов, специалистов по препода-

ванию иностранных языков. В этом кругу специалистов складывается представление о полилоговом общении как базовой ситуации обучения иностранным языкам. Так, филолог И. М. Перервина рассуждает о возможности научить студентов общению и культуре полилогового общения на занятиях по иностранному языку, имея в виду следующие компетенции: «понимание студентами друг друга; умение слушать собеседника; умение доносить информацию до собеседника или до группы собеседников; развитие вербальной и невербальной коммуникации; умение справляться с коммуникативными барьерами; умение контролировать свои эмоции и высказывания; умение избегать конфликтных ситуаций» [Перервина, 2009, с. 511]. Но попутно в этом контексте возникают интуиции культуроцентричности языковых процессов, в частности преподавания иностранных языков (изучение языка как погружение обучаемого в родную для этого языка культуру) [Красильникова, 2014].

Гораздо меньше осмыслена логика медийного и образовательного полилога, представляющего собой актуализированное соучастие разных культур с их вековым и тысячелетним опытом, особенно тех культур, общение с которыми до последнего времени происходило, так сказать, на их ближнем фронтире, без продуктивного погружения в тонкие стихии инокультурного бытия. Диа- и полилог приобретает

чаще всего прикладное (экономическое, политическое) значение, в то время как настоящий продуктивный конфликт понимания и непонимания может возникнуть лишь на той глубине, которая связана с жизнью духа, с духовными основаниями культур, а с другой стороны, этой глубине сегодня предстоит раскрываться именно полилогически, исходя из тех ситуативных особенностей, коммуникации, которые были определены выше как наиболее актуальные, присущие нашему времени.

К тому же традиционно российский диалогический вектор (маркированный как Просвещение) был обращен, прежде всего, на Запад. В западном контексте Россия-Русь получала основы религии, культуры, художественные формы, идеи и ценности. Восточный, в частности китайский, вектор Просвещения для России пока еще не осознан как важная перспектива. До последнего времени культурные коммуникации были избирательными и явно бессистемными. Замечательные русские синологическая, индологическая научные школы не обеспечивали выхода знаний и понимания восточной культуры в широкий социальный контекст.

Культура Востока всерьез не изучается ни в школе, ни в вузах (исключая локальные специализированные направления подготовки). Не справляются с задачей просвещения и российские массмедиа, прежде всего, телевидение. Да они

и не ставят такую задачу. Можно только мечтать о подобного рода образовательных программах на федеральных каналах телевидения в прайм-тайм. Интернет бессистемно загружает в сознание современника сведения о культуре Востока, которые не складываются в осмысленное единство.

Вследствие этого человек в современной России обычно весьма приблизительно рецепирует восточный культурный универсум. Отдельные явления современной и исторической китайской культуры, приходя в Россию, часто выглядят как эксцесс, существующий вне связи с тысячелетней традицией китайской культуры. Их понимание редуцировано. Люди, не получившие базовой подготовки, плохо знают китайскую культуру, лишены понимания ее глубинной цельности, ее богатства, ее потенциала актуализации.

Характерно, что китайская тема – редкий гость и в современном российском искусстве. В литературе я могу указать, например, на роман Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» и книгу Алексея Винокурова «Люди черного дракона» как на наиболее яркие примеры продуктивного диалога с китайской культурной традицией. Менее содержательным выглядит именно в этой связи культурный алармизм Владимира Сорокина в его сатирической прозе начала XXI века.

«Дальневосточный», китайский вектор Просвещения для России по-

ка еще не осознан как важная, полезная и во всех отношениях ценная задача и перспектива. Между тем, современная логика со-бытия культур и мультиплексного мира ставит нас перед задачей переосмысления принципов и средств взаимодействия с культурными мирами, исторически далекими от мейнстрима российской традиции. Здесь уместно вспомнить давнее высказывание историка и теоретика культуры М. Элиаде, замечавшего, что «рано или поздно диалог с “другими” – с представителями традиционных, азиатских и “первобытных” культур – должен будет начаться уже не на сегодняшнем эмпирическом и утилитарном языке (который в силах выразить лишь социальные, экономические, политические, медицинские реалии и т. д.), но на языке культуры, способном к выражению человеческих реальностей и духовных ценностей. Такой диалог неизбежен; он вписан в судьбу Истории. Трагической наивностью было бы полагать, что он может до бесконечности вестись на ментальном уровне, как это происходит сейчас» [Элиаде, 1998, с. 16].

Не чуждое китайским контекстам понятие «культурный человек» в современном мире, конечно, уже не до такой степени нормативно, как прежде. Но если и ранее это понятие в России не предполагало обязательного знания основ китайской культуры, то ныне, в ситуации свободного культурного выбора, такие знания о Китае и вовсе могут быть исключены из сферы опыта.

Однако в равной мере они могут быть в эту сферу включены. Традиционная норма не помеха. Человек сам распоряжается своими интересами и ценностями. Важно сориентировать его в пространстве мировой культуры и, в частности, раскрыть сокровищницу китайской культуры.

Сегодня актуальной задачей становится рефлексия перспектив российско-восточного, в частности российско-китайского полилога в сфере культуры и образовательной деятельности.

Речь должна идти о соответствующем современным реалиям освоении основ дальневосточной китайской цивилизации, создании потенциала для взаимопонимания и продуктивного диалога.

Остановимся на образовательной перспективе такого диалога в современной России.

Курс культурологии, который пришел в начале 1990-х годов в российские вузовские программы, мог преподаваться как изучение духовных основ цивилизаций, в том числе китайской. Однако в абсолютном большинстве случаев культурология в учебной программе вузов понималась как теория культуры, обзор понятий и концепций, в рамках которого культурно-цивилизационный подход, в том числе в историческом ракурсе, был минимизирован. К тому же курс культурологии в XXI веке нередко был вообще убран из вузовских учебных планов как избыточная роскошь в перспективе

целевой подготовки узко сфокусированного на прагматике профессии специалиста.

Но есть альтернативный опыт серьезного изучения духовных основ цивилизаций, в том числе китайской. Так, проект образовательной мобилизации ресурсов культурного полилога при моем участии реализовался с начала 1990-х годов в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского, а также в вузах Москвы (МГУ, Институт истории культур), в частности – в рамках подготовки студентов-культурологов, преподавателей мировой художественной культуры. Аналогичный подход, но в несколько иной проекции, закладывался мной в учебную практику при преподавании современной литературы в Национальном университете имени Мирзо Улугбека (Ташкент).

В предлагаемой версии программа изучения классической культуры Китая (в конспективном изложении) выглядит следующим образом.

Культура доосевой архаики. *Палеолит и неолит в истории культуры. Культура неолитической архаики. Неолитическая архаика в культуре Китая. Религиозно-социологический характер и мифологическое единство культуры. Ритуал и культура. Культ и аскеза. Инициация, очищение, жертвоприношение, приобщение. Магия и культура древности. Панмагизм архаической культуры. Сущность и*

виды магии. Культурный статус мага. Магия и рационализм. Мистика в культуре древности. Мистика и шаманизм. Порядок космоса и порядок социума в культуре неолитической архаики. Социокультурные функции и космические роли. Социализация космического чувства в древней религии Неба. Человек в культуре неолитической архаики. Духовный идеал и социальная норма. Ицзин как ментальная матрица китайской культуры; принцип взаимопревращения противоположностей как способ понимания реальности. Художественная культура Китая в глубокой древности: духовные корни.

Культурный переворот Осеевого времени. Общий смысл духовного, культурно-религиозного и художественного переворота. Учителя человечества. Многовекторность осеевого поиска в Китае. Даосизм, его общий вклад в культуру Китая. Дао-дэ-цзин. Даосские мистика и магия. Конфуций и конфуцианство, общий вклад конфуцианства в культуру Китая. Лунь-юй. Конфуцианский церемониал. Культура фэнлю как реализация даосско-конфуцианского синтеза. Моизм. Легизм и культурное значение империи Цинь. Буддизм в Китае. Чань-буддизм как форма даосско-буддийского культурного синтеза. Культурный расцвет в эпохи Тан и Сун, его духовные основы.

Буддийско-даосско-конфуцианский культурный синтез. Китайские язык и письменность

как культурный феномен. Осеевой прорыв и художественная культура. Классическое искусство Китая, его духовные корни, каноны и развитие: живопись, поэзия, возникновение и становление прозы, памятники и мастера. Своеобразие китайской культуры XX-XXI вв. в аспекте традиций и в контексте межкультурного диалога.

Стратегия межкультурного полилога в образовательной сфере предполагает в данном случае, что студентам предоставляется, в частности, системно-целостное представление о культурных синтезах в Китае как об изоциренном, получившем яркие интеллектуальные, эстетические и жизненно-практические выражения опыте гармонизации разнонаправленных духовных начал. Разговор идет о глубинной цельности культуры, ее богатстве, ее потенциале актуализации, о базисных основаниях религии и философии, искусстве, образе жизни, ментальности.

Думается, этот опыт можно развивать и прививать. Речь должна идти о совмещении систематизированного изучения основ китайской цивилизации с творческим освоением духовного опыта и чувства жизни в режиме полилогической коммуникации, о создании в итоге потенциала для взаимопонимания и продуктивного взаимодействия. Культурные обмены, многовекторное Просвещение – стимул и для создания атмосферы взаимного доверия, основанного на достоинстве

представителей великих культур, и современной культуры в России.
для успешного решения проблем

Библиографический список

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. Москва : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Художественная литература, 1972. 472 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
4. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. 937 с.
5. Библер В. С. Культура. Диалог культур // На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. Москва: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Москва : Прогресс, 1988. 364 с.
7. Глянц М. Китайская инициатива «Один пояс – один путь»: что может сделать «бренд» // Проблемы постсоветского пространства. 2017. Том 4, № 1. С. 8-19.
8. Ермолин Е. А. «Дальневосточный вектор» Просвещения и актуальные проблемы российско-китайского культурного диалога // Ярославский педагогический вестник. 2016. №2. С. 265-268.
9. Зиеи Х. М. Мультиплексный мир и мультиидейное общество // Таджикистан и современный мир. 2020. № 2 (70). С. 182-188.
10. Красильникова Н. А. Полилог культур в обучении иностранному языку как средство формирования толерантности / Н. А. Красильникова, К. Д. Тиханова // Педагогическое образование в России. 2014. Выпуск № 4. С. 66-76.
11. Перервина И. М. Культура полилога как одна из составляющих современного специалиста // Молодой ученый. 2013. №12. С. 511-513.
12. Степанянц М. Т. Восточные сценарии глобального мира // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 35-43.
13. Элиаде М. Мифистификация и андрогин. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. 374 с.
14. Acharya A. Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions // International Studies Review. 2016. Vol. 18 № 0. P. 1-12.
15. Acharya Amitav. Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 225 p.
16. Henry Ken. Multiplex world: steps towards a new global order / Ken Henry, Hu Shuli, Evan A. Feigenbaum, Amitav Acharya // Eastasiaforum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/08/14/multiplex-world-steps-towards-a-new-global-order/>. (Дата обращения: 03.08.2021).
17. Holland Steve. G7 rivals China with grand infrastructure plan / Steve Holland, Guy Faulconbridge // Reuters. June 13, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/g7->

counter-chinas-belt-road-with-infrastructure-project-senior-us-official-2021-06-12/. (Дата обращения: 03.08.2021).

18. Lau Stuart. EU starts work on rival to China's Belt and Road Initiative // POLITICO. July 6, 2021. URL: https://www.politico.eu/article/eu-starts-work-on-rival-to-chinas-belt-and-road-project-network/?__twitter_impression=true&fbclid=IwAR0ybyjQt-pdgYt0QbDJitG95RXi34zs-UhCMnh41n5RrwMBH4IwU7bwFbA. (Дата обращения: 03.08.2021).

19. Stepanyants M. T. Paradigms of the Perfect Human and the Possibility of a Global Ethos // *Cosmopolitan Civility. Global-Local Reflections with Fred Dallmayr* / Ed. by Ruth Abbey. N.Y. Albany : State University of New York Press, 2020. P. 143–161.

Reference list

1. Azimov Je. G. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) = New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)* / Je. G. Azimov, A. N. Shhukin. Moskva : IKAR, 2009. 448 s.

2. Bahtin M. M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's poetics*. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1972. 472 s.

3. Bahtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorchestva = The aesthetics of verbal creation*. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.

4. Bezrukova V. S. *Osnovy duhovnoj kul'tury (jenciklopedicheskij slovar' pedagoga) = Bases of spiritual culture (teacher's encyclopedic dictionary)*. Ekaterinburg, 2000. 937 s.

5. Bibler V. S. *Kul'tura. Dialog kul'tur = Culture. Dialogue of cultures* // *Na granjah logiki kul'tury. Kniga izbrannyh ocherkov*. Moskva: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1997. 440 s.

6. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki = Truth and method: Foundations of philosophical hermeneutics*. Moskva : Progress, 1988. 364 s.

7. Gljanc M. *Kitajskaja iniciativa «Odin pojas – odin put»: chto mozhet sdelat' «brend» = China's One Belt, One Road initiative: what a “brand” can do* // *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 2017. Tom 4, № 1. S. 8-19.

8. Ermolin E. A. «Dal'nevostochnyj vektor» *Prosveshhenija i aktual'nye problemy rossijsko-kitajskogo kul'turnogo dialoga = “The Far Eastern vector” of the Enlightenment and topical problems of Russian-Chinese cultural dialogue* // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2016. №2. S. 265-268.

9. Zijoi H. M. *Mul'tipleksnyj mir i mul'tiidejnoe obshhestvo = The multiplex world and the multi-idea society* // *Tadzhikistan i sovremennij mir*. 2020. № 2 (70). S. 182-188.

10. Krasil'nikova N. A. *Polilog kul'tur v obuchenii inostrannomu jazyku kak sredstvo formirovanija tolerantnosti = Polylogue of cultures in teaching a foreign language as a means of forming tolerance* / N. A. Krasil'nikova, K. D. Tihanova // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2014. Vypusk № 4. S. 66-76.

11. Perervina I. M. *Kul'tura poliloga kak odna iz sostavljajushhih sovremennogo specialista = The polylogue culture as one of the features of a modern specialist* // *Molodoj uchenyj*. 2013. №12. S. 511-513.

12. Stepanjanc M. T. Vostochnye scenarii global'nogo mira = Eastern scenarios for the global world // Voprosy filosofii. 2009. № 7. S. 35-43.
13. Jeliade M. Mefistofel' i androgin = Mephistopheles and androgyne. Sankt-Peterburg : Aletejja, 1998. 374 s.
14. Acharya A. Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions // International Studies Review. 2016. Vol. 18 № 1. P. 1-12.
15. Acharya Amitav. Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 225 p.
16. Henry Ken. Multiplex world: steps towards a new global order / Ken Henry, Hu Shuli, Evan A. Feigenbaum, Amitav Acharya // Eastasiaforum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/08/14/multiplex-world-steps-towards-a-new-global-order/>. (Data obrashhenija: 03.08.2021).
17. Holland Steve. G7 rivals China with grand infrastructure plan / Steve Holland, Guy Faulconbridge // Reuters. June 13, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/g7-counter-chinas-belt-road-with-infrastructure-project-senior-us-official-2021-06-12>. (Data obrashhenija: 03.08.2021).
18. Lau Stuart. EU starts work on rival to China's Belt and Road Initiative // POLITICO. July 6, 2021. URL: https://www.politico.eu/article/eu-starts-work-on-rival-to-chinas-belt-and-road-project-network/amp/?__twitter_impression=true&fbclid=IwAR0ybyjQt-pdgYt0QbDJitG95RXi34zs-UhCMnh41n5RrwMBH4lwU7bwFbA. (Data obrashhenija: 03.08.2021).
19. Stepanyants M. T. Paradigms of the Perfect Human and the Possibility of a Global Ethos // Cosmopolitan Civility. Global-Local Reflections with Fred Dallmayr / Ed. by Ruth Abbey. N.Y. Albany : State University of New York Press, 2020. P. 143–161.